

— Есть сюэмэйнян, господин сказал, можно съесть только один.

В городе А было холодно, и Ли Цзюньюй давно запретил Оу Хэну есть холодное. Теперь, приехав в провинцию Юнь, где стало теплее, Ли Цзюньюй позволил привезти сюэмэйнян из Сюйюаня. Один шарик размером не больше двух пальцев взрослого человека.

— Идеально!

Оу Хэн взял сюэмэйнян из рук Ли Ганя, словно держал священную реликвию, которая, казалось, даже светилась.

Ли Гань достал еду, затем передал мини-холодильник охраннику, стоявшему рядом, и сам встал на страже у Оу Хэна.

Пирожных из Сюйюаня было немного, каждого вида по одному-два, размером с два больших пальца. Их можно было съесть за один кусочек, это лишь слегка утоляло голод, не перебивая аппетит к ужину.

Оу Хэн ел с аппетитом, остальные, глядя на него, беззвучно сглатывали слюну. Даже те, кто не испытывал голода, почувствовали его, глядя на пирожные в руках Оу Хэна и его блаженное лицо.

Оу Хэн взял одноразовые палочки, чтобы взять пирожное, но краем глаза заметил пристальные взгляды. Он тут же опустил руку с лакомством, прижал коробку к себе и повернулся в сторону гор, спиной к зрителям.

Остальные: ...

Они слишком многого ожидали, надеясь на угощение. Богачи — действительно нехорошие люди, хм.

Люди, прижимая животы, спускались с горы. У них был заказ еды! Они собирались пить напиток счастья!

Люди одна за другой сходили с горы, и поначалу тихие горы наполнились шумом. Ли Цзюньюй с охранниками шел по тропе, привлекая внимание многих. Узнавшие его прижимались к обочине, боясь даже вздохнуть громко, чтобы не потревожить его, и стояли смиренно, как перепела.

Хотя идущий мимо был их сверстником, при появлении Ли Цзюньюя они чувствовали себя перед строгим отцом. Это вызывало страх, заставляло замирать и проникаться уважением, не смея шутить или болтать.

— Куда это он направился?

Дрожащим голосом спросил кто-то. Ли Цзюньюй с детства был тем самым «чужим ребенком», в тени которого они росли. Им даже завидовать на него не приходилось, можно было только восхищаться.

— Наверное, к тому, кто наверху.

Кивнул кто-то в сторону вершины. Теперь он жалел, что ушел слишком рано. Вернуться? Слишком заметно. Он нерешительно хмурился, шагая взад-вперед и отступая назад.

— Мне кажется, я еще не голоден. На горе много новых видов, которые я еще не рассматривал. Я поднимусь еще разок.

Мужчина, придумав для себя достойное оправдание, улыбнулся и развернулся в обратную сторону.

Толпа: Чепуха. Ты просидел там три-четыре часа. На такой крошечной вершине, наверное, каждый сантиметр земли уже изучен.

— Я пойду с тобой. Так поздно, одному опасно.

Остальные с видом «я забочусь о твоей безопасности» двинулись следом, болтая и смеясь, но держась подальше от Ли Цзюньюя.

Группа поднимающихся на гору все увеличивалась, пока не превратилась в толпу, двигавшуюся с шумом, словно на разборку.

— Малыш, вкусно?

Оу Хэн сидел лицом к горе, спиной к тропе, поэтому не видел, как поднялся Ли Цзюньюй. Ли Гань заметил его и хотел что-то сказать, но Ли Цзюньюй приложил палец к губам, показывая, чтобы тот молчал.

Ли Цзюньюй бесшумно подошел сзади и положил голову на плечо Оу Хэна. Низкий, бархатный голос заставил уши Оу Хэна мгновенно покраснеть.

— Малыш, сладко?

Оу Хэн в этот момент ел сюэмэйнян.

— Угу.

Оу Хэн кивнул, застыв от неожиданности. Ли Цзюньюй так его взволновал, что он забыл, кто он такой.

— Гого, зачем ты поднялся?

Оу Хэн подвинулся, освобождая место для Ли Цзюньюя.

— Забрать моего малыша домой обедать.

Ли Цзюньюй сел и усадил Оу Хэна к себе на колени.

— Я и сам знаю дорогу домой.

— Я боюсь, что Эр-эр похитят картины, и мне нужно приглядеть, иначе мой малыш убежит вместе с ними.

Ли Цзюньюй поднял бровь. Он не очень верил словам Оу Хэна. Стоило тому начать рисовать, как он забывал обо всем на свете, включая Ли Цзюньюя, хотя тот и не хотел этого признавать.

— Я убегу с Гого!

Оу Хэн обнял Ли Цзюньюя и надул губы. Зачем говорить так прямо? Он бы действительно

убежал с картинами и Гого, хи-хи-хи...

— Гого, это вкусно.

Оу Хэн взял несладкое пирожное и поднес его ко рту Ли Цзюньюя. Оу Хэн обожал сладкое и всегда съедал его первым, а несладкое оставлял на потом, где оно и оставалось несъеденным.

Ли Цзюньюй открыл рот и съел, нахмурился. Для него было слишком сладко, хотя нормальная сладость для других.

— Хватит.

Ли Цзюньюй отвернулся, когда Оу Хэн протянул еще кусочек. От одного кусочка ему пришлось выпить полбутылки минеральной воды.

— Ладно.

Оу Хэн сам сунул пирожное в рот.

— Поедем домой, как поедим. Прогуляемся по дороге, чтобы переварить еду, а потом поужинаем.

— Угу.

Оу Хэн кивнул. Он ел с удовольствием, а рядом был Ли Цзюньюй. На фоне заката воздух казался Оу Хэну сладким.

— Почему людей стало больше?

Жуя пирожное, Оу Хэн огляделся. Люди вокруг говорили шепотом, но когда их много, даже шепот становится громким, и Оу Хэн заметил это.

— Здесь хороший воздух.

Ли Цзюньюй, конечно же, знал, что эти люди пришли посмотреть на него, но говорить об этом он не стал.

— Правда? А почему они тебя боятся?

Оу Хэн посмотрел на остальных. В тот момент, когда его Гого отвернулся, страх в глазах людей был очевиден.

— Я красивый.

Ли Цзюньюй хмыкнул и окинул взглядом окружающих. Люди тут же опустили головы, уставившись на носки своей обуви.

— Правда?

Оу Хэн посмотрел на Ли Цзюньюя с недоверием, чувствуя, что дело не в этом.

— Конечно, Эр-эр, мне не веришь?

Ли Цзюньюй развернул лицо Оу Хэна к себе, заставив смотреть в свои глубокие, полные

нежности глаза. Лицо Оу Хэна постепенно покраснело, готовое вот-вот кровоточить.

— Угу...

Оу Хэн спрятал лицо в груди Ли Цзюньюя.

Эти люди его не боялись, скорее, были любопытны и испытывали почтение.

— Поехали домой.

Ли Цзюньюй поставил Оу Хэна на землю, смахнул крошки с одежды, поправил одежду и застегнул молнию куртки.

— Угу.

Ли Гань с охранниками тоже собрали вещи. Мольберт решили не забирать, взяли только картины и краски.

— Завтра снова приду, встану пораньше!

Утром всего приятнее, это время бодрости и ясности ума. Холодный воздух освежает.

— Хорошо, малыш, если ты сможешь встать, то всё возможно.

Ли Цзюньюй присел перед Оу Хэном.

— Малыш, залезай ко мне на спину, я отнесу тебя вниз.

— Ха!

Оу Хэн с разбегу прыгнул на спину Ли Цзюньюя. Если бы у того была слабая походка, он бы упал.

Оу Хэн ущипнул зубами шею Ли Цзюньюя и начал грызть её, как маленький волчонок, изредка облизывая.

— Веди себя хорошо, дома дам косточку погрызть.

Ли Цзюньюй весь напрягся от этих лизаний.

— Как щенок, и еще совсем маленький.

— Я волк, а не щенок!

— Аууу!

Оу Хэн даже завыл в небо. По его позе Ли Цзюньюю, даже не видя её, было ясно, какой это гордый комочек.

Весь путь Оу Хэн то и дело издавал звуки «аууу», а Ли Цзюньюй забавлял и успокаивал его.

— Вы запомнили, как он выглядит? Есть фото? Скиньте мне.

Как только группа Оу Хэна скрылась с вершины, черная толпа пришла в движение. По отношению главного босса было понятно: этого человека нельзя обидеть, к нему нужно

относиться серьезно.

Лично пришел встретить, даже на руках нес, и при этом ел сладкое!

Все знали, что Ли Цзюньюй не любит сладкое. На любых банкетах и ужинах это учитывалось, чтобы не разгневаться его, а сегодня он нарушил собственное правило.

— Горло не болит?

Ли Цзюньюй усадил Оу Хэна на диван.

— Глупенький, орал всю дорогу, сейчас горло заболеть должно.

<http://bllate.org/book/16768/1541280>